Про Илью Муромца, славного богатыря русского

Как издалеча-далеча, из чиста поля,
Как из славной матушки да Золотой Орды
Подымается собака злой неверный пан,
Злой неверный пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтанович.
Собирает он войско великое,
Собират собранье немалое:
Сбират сорок царей, сорок царевичей,
Сбират сорок королей, королевичей.
Подо всякого царя и царевича,
Подо всякого короля, королевича
Он даёт силы — по сороку тысячей.
Выходили они на луга зелёные,
Выступали они на травы шелковые.
Тут садился Салтан на сыру землю,
Он писал ярлык скорописанный,
Отсылал ярлык во Святую Русь
Со своим послом со скорыим —
Он с седой ордой, да с большой бородой.
Приходит посол скорый во Святую Русь,
Заходит в палаты княжеевские.
Он кладёт ярлык на дубовый стол.
Тут подходит князь Владимир стольно-киевский,
Берет ярлык, распечатыват.
Распечатывал, скоро прочитывал.
Прочитал ярлык — загорюнился,
Загорюнился он да запечалился.
Тут подходит княгиня Апраксия:
«Уж ты что же так, Владимир, загорюнился,
Уж ты что же так да запечалился?» —
«Ой ты, ой еси, княгиня Апраксия,
Уж как же мне не горюниться?
Уж как же мне не печалиться?

Что издалеча-далеча, из чиста поля,
Как из славной матушки да Золотой Орды
Подымается собака злой неверный пан,
Злой неверный пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтанович.
Собират он войско великое,
Собират собранье немалое:
Сбират сорок царей, сорок царевичей,
Сбират сорок королей, королевичей.
Подо всякого царя и царевича,
Подо всякого короля, королевича
Он даёт силы — по сороку тысячей». —
«Ой ты, ой еси, Владимир стольно-киевской,
Не горюнься ты, не печалуйся.
Ты сходи-ка во Божью церкву,
Сослужи там честны больши молебенны.
Вышней Спас не оставит нас:
Богородица — об нас печальщица...»
Тут средился Владимир стольно-киевский,
Пошел он во Божью церковь:
Сослужил честны больши молебенны.
Из церкви-то идет он из Божией —
Тут навстречу ему Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
А как встретился — сам отпятился,
Сам отпятился, низко кланялся:
«Здравствуешь, Владимир стольно-киевский!» —
«Уж ты здравствуешь, Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович». —
«Уж ты ой еси, Владимир стольно-киевской,
Уж ты что же так загорюнился,
Уж ты что же так запечалился?» —
«Уж ты ой еси, Илья, Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович!
Уж как же мне не горюниться?
Уж как же мне не печалиться?
Как издалеча-далеча, из чиста поля,
Как из славной матушки да Золотой Орды
Подымается собака злой неверный пан,

Злой неверный пан — молодой Салтан,
Молодой Салтан сын Салтанович.
Собират он войско великое,
Собират собранье немалое:
Сбират сорок царей, сорок царевичей,
Сбират сорок королей, королевичей.
Подо всякого царя и царевича,
Подо всякого короля, королевича
Он даёт силы — по сороку тысячей...» —
«Уж ты ой еси, Владимир стольно-киевский,
Не горюнься ты, не печалуйся!
Вышней Спас не оставит нас:
Богородица — об нас печальщица.
Поставь ты во поле во чистое бел шатёр,
Откати там сорок бочек пива пьяного,
Пива пьяного, мёду сладкого.
Уж ты дай мне три русских богатыря:
Дай Алешеньку Поповича и Добрынюшку Никитича,
Долгопологo Залешенки!»
Собирались-сокоплялись все русские богатыри
Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ночку темную,
Настаёт день светел-радостен —
Выходит Илья Муромец на улицу:
Полотном земля-мати сгибается,
Где-ка от духу, духу человечьего
Тут померкнет в небеси солнце красное,
Где-ка от пару, пару лошадиного
Тут померкнет в небеси светел месяц...
Тут заходит Илья Муромец во бел шатёр:
«Ой вы, ой еси, братцы-товарищи,
Вам полно спать, да пора вставать!
Полотном земля-мати сгибается,
Где-ка от духу, духу человечьего
Тут померкнет в небеси солнце красное,
Где-ка от пару, пару лошадиного
Тут померкнет в небеси светел месяц!..

Я поеду дорожкой прямоезжею —
Поезжайте вы дорожками окольными.
Когда пробренчит моя палица железная —
Так вы бейте-ломите всю силу неверную!»
Он приехал к Салтанову дому.

Привязал коня ко столбышку дубовому, к колечку золочёному. Зашёл в дом. А Салтан в это
время обедал. Увидал он, что к нему русский зашёл, и спрашивает: «Есть у вас на Руси Илейка
Муромец?» — «Есть». — «А много ли он хлеба ест?» — «Он хлеба ест по коврижке». —
«А пива пьет?» — «А пива пьёт по братынке». — «А мяса ест?» — «А мяса ест по кусочку». —
«А я хлеба ем по квашне, пива пью по лагуну, а мясо ем по быку!» Тогда Илья Муромец и говорит:
«Я сам и есть Илья Муромец». — «Пойдём порататься!» — говорит Салтан. Дрались они долго
и саблями, и мечами, а Илья Муромец ухватчив был: хватил он булатный меч и срубил Салтану
буйну голову. Пал Салтан на сыру землю — только земля-мать задрожала. Поехал Илья
Муромец. Бились они двенадцать дней, двенадцать ночей — не пиваючи, не едаючи, добрым коням
вздоху не даваючи. Собирались-сокоплялись ко белу шатру,

Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ночку тёмную,
Наступает день светел-радостен —
Выходит Илья Муромец на улицу
И видит: по Канскому побоищу
Втрое силушки прибавилось!
Едет Салтанова мати на железной ступе,
Сама пестом приколачивает,
Сама песту приговаривает:

«Ох, кабы была я на Канском побоище — не дала бы Салтана в обидушку!
Кабы был этта

Илейка Муромец — на одну долонь бы посадила и другой долонью притяпнула, стяпнула бы его в
шаньгу кислую!»

Зашел Илья Муромец в бел шатёр:
«Ой вы, ой еси, братцы-товарищи,
Вам полно спать, да пора вставать!
Едет Салтанова мати на железной ступе,
Сама пестом приколачивает,
Сама песту приговаривает:
„Ох, кабы была я на Канском побоище —
Не дала бы Салтана в обидушку!”
Не знаю, кого бы отправить драться с ней?
Отправить долгополого Залешена —
Дак он в полах запутается.
Послать разве Добрынюшку Никитича:
Он хоть силой не силён —
Да напуском смел!»

Приехал Добрыня Никитич к матери Салтановой, а та говорит ему: «Не хочу с тобой драться!»
Стянула с него штаны да по заднице нахлопала. «Посылай, — говорит, — мне Илейку Муромца!»
Поехал Илья Муромец и сразу её убил.

Опять бились они двенадцать дней, двенадцать ночей —
Не пиваючи, не едаючи
И добрым коням вздоху не даваючи.
Собирались-сокоплялись ко белу шатру,
Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ночку тёмную,
Наступает день светел-радостен —
Выходит Илья Муромец на улицу,
Смотрит — по Канскому побоищу
Едут два брата, два Суздальца,
Два Суздальца, два Андреевича.
Говорят они речи несбыточны:
«Кабы были мы на Канском побоище,

Не дали бы Салтана в обидушку,
А Илейку Муромца в грязь втоптали!
Кабы был в земле столбышек —
Всю землю бы повернули!
Кабы была на небо лестница —
Всех бы святых пересекли!»

Илья Муромец и думает: «Некого мне посылать, придется самому ехать». Поехал он и сразу
их убил.

Опять бились они двенадцать дней, двенадцать ночей —
Не пиваючи, не едаючи,

Добрым коням вздоха не даваючи.
Собирались-сокоплялись ко белу шатру,
Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому.
Пили-жили всю ночку тёмную,
Наступает день светел-радостен —
Выходит Илья Муромец на улицу,
Смотрит — по Канскому побоищу
Едет молодой Сокольничек,
Говорит он речи несбыточныя:
«Кабы был я на Канском побоище —
Не дал бы Салтана в обидушку!
А был бы здесь Илейка Муромец —
Я бы его в грязь втоптал!»

Думает Илья Муромец: «Кого послать? Видно, самому надо ехать». Поехал Илья Муромец.
Схватились они — и конями топтались, и саблями рубились, и мечами. Схватились врукопашную
— нога права у Ильи подкатилась, пал Илья на сыру землю. Взъехал молодой Сокольничек
на белу грудь Ильи, вынимает булатный нож, хочет пороть латы княжеевские. Взмолился Илья
Муромец Николы Угоднику! Повернулся Илья Муромец с боку на бок, с плеча на плечо Илья
пошевелился — взъехал молодому Сокольничку на белу грудь! Вынимает

булатный нож и хочет
пороть латы княжеевские. Но вдруг увидал он свой крест и узнал в нём сына. Спрашивает Илья:
«С какой стороны, с какой земли, какого отца-матери?» —

«Мать меня спровадила, а отца не поведала.
Ох, кабы был я на твоей белой груди —
Не спрашивал бы ни отечества, ни молодечества:
Порол бы твои латы княжеевские,
Вынимал бы ретиво сердце!»

Сказал Илья Муромец, что он сын родной, и отпустил Сокольничка.

Опять бились они двенадцать дней, двенадцать ночей —
Не пиваючи, не едаючи,
Добрым коням вздоху не даваючи.
Собирались-сокоплялись ко белу шатру,
Ко белу шатру, к зелену вину,
К зелену вину, к пиву пьяному,
К пиву пьяному, к мёду сладкому.

А молодой Сокольничек приехал к шатру и копьем хотел заколоть Илью, но копьё попало в
крест и Илью не поранило.

(Зап. Н. И. Савушкиной в июле 1976 г.: д. Кельчем-гора Лешуконского р-на — от Шишовой Анны Васильевны, 86 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.